

Рекенштейны

В этом замке, кажется, даже стены дышат тайной. Винтовые лестницы, огромные окна под тяжелыми балдахинами поблескивают дивными искрами, словно по ту сторону стекла прячутся бестелесные призраки. И в этих мрачных стенах вспыхивает ярким светом любовь.

Лишь только увидев её, он понял, что скорее умрет, чем позволит ей уйти. А она не представляет себе жизни без его объятий. Вот только оковы родовых предрассудков опутывают их руки. Но любовь сильнее и металла, и камня, и даже древнего проклятия, властвующего над старинным родом...

Семантика
XIX *Века*

Вера Крыжановская

Рекенштейны

ЦЕНТР
СЕМЕЙНОГО
ДОСЛЕДОВАНИЯ

Setuarmuka
XIX *Beka*

Вера Крыжановская

Рекенштейны

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

ISBN 978-617-12-6365-9 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайн обложки агентства Тим+

В оформлении обложки использована картина «Портрет леди Энью» Джона Сингера Сарджента

У цьому замку, здається, навіть стіни дихають таємницею. Гвинтові сходи, величезні вікна під важкими балдахінами, що поблискують дивовижними іскрами, немов по той бік скла ховаються безтілесні примари. І в цих похмурих стінах спалахує яскравим полум'ям кохання.

Лиш тільки побачивши її, він зрозумів, що радше помре, ніж дозволить їй піти. А вона не уявляє собі життя без його обіймів. От тільки кайдани родових забобонів облутують їхні руки. Але любов сильніша і від металу, й від каменю, і навіть від древнього прокляття, що тяжіє над старовинним родом...

Крыжановская В.

К85 Рекенштейны : роман / Вера Крыжановская. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 400 с. — (Серия «Великие романистки XIX века», ISBN 978-617-12-6123-5)

ISBN 978-617-12-6059-7

В этом замке, кажется, даже стены дышат тайной. Винтовые лестницы, огромные окна под тяжелыми балдахинами поблескивают дивными искрами, словно по ту сторону стекла прячутся бестелесные призраки. И в этих мрачных стенах вспыхивает ярким пламенем любовь.

Лишь только увидев её, он понял, что скорее умрет, чем позволит ей уйти. А она не представляет себе жизни без его объятий. Вот только оковы родовых предрассудков опутывают их руки. Но любовь сильнее и металла, и камня, и даже древнего проклятия, властвующего над старинным родом...

УДК 821.161.1.0

© Тим+, художественное оформление, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Габриэль¹

I. Воспитатель

По одному из ведущих трактов прирейнской Пруссии быстро мчалась щегольская карета, запряженная парой лошадей, которыми правил старый кучер в ливрее с графской короной на пуговицах. Сентябрь был на исходе, и осень уже давала себя знать. Бесперывно шел мелкий частый дождь, и все вокруг тонуло в густом сероватом тумане.

Дорога была гористая, окаймленная с обеих сторон сплошным лесом. Порой сквозь его прогалины открывались чудные ландшафты, но путник, сидевший в карете, казалось, был погружен в тяжкие думы и не обращал никакого внимания на местность, по которой проезжал. Сундук на козлах, дорожный несессер и плед показывали, что едет он издалека.

Путник был молодой человек лет двадцати восьми, высокий, поджарый, крепко сложенный, с аристократическими чертами лица. Он снял шляпу и откинул голову на синего атласа подушки кареты, с которыми резко контрастировали золотисто-русые волосы, короткие, но густые, мягкими прядями обрамлявшие его белый широкий лоб, усы и небольшая борода. Брови у путника были темные, срастались на лбу и придавали большим черным глазам выражение спокойствия и строгости. В эту минуту они были затуманены мрачной грустью, которая сказывалась и в суровом абрисе губ. Тем не менее время от времени его мужественное лицо озарялось отблеском энергии и гордости, граничащей с упрямством.

Барон Готфрид Веренфельс был последним отпрыском благородной и древней фамилии, обедневшей мало-помалу вследствие войн и несчастий. Отец его пытался поправить состояние спекуляциями, которые сначала удались, но после окончательно разорили его.

Подавленный этим несчастьем, старый барон застрелился, оставив своему единственному сыну лишь долги да заботу о матери и о молодой жене, с которой он едва успел вступить в брак.

Более года Готфрид отчаянно боролся, пытаясь сохранить маленькое имение, обеспечивавшее ему скромное существование, но неожиданное банкротство лишило его этого последнего ресурса.

Смерть жены не менее жестоко поразила его сердце, и нервная болезнь приковала к постели на несколько месяцев.

Тотчас по выздоровлении молодой человек стал обдумывать, как создать себе новое положение.

Он был разбит, но не уничтожен. Благодаря помощи одного из друзей Веренфельс поселил мать и годовалую дочь Лилию у старой родственницы, своей крестной матери, а сам решился ехать в Америку — попытать счастья и снова встать на ноги, чтобы обеспечивать свою семью самостоятельно.

Он уже готовился к отъезду в Новый свет, когда неожиданное предложение изменило его планы.

Банкир Фридман, старинный друг его отца, не перестававший выказывать расположение молодому человеку, письменно просил немедленно повидаться с ним по весьма важному делу.

После обмена поклонами банкир сказал Готфриду безо всяких предисловий:

— Мой милый Веренфельс, я имею нечто предложить вам, и если вы согласитесь, то, по-моему, это будет выгоднее, чем поездка в Америку. Я сейчас получил письмо от моего друга и клиента, графа Вилибальда Рекенштейна. Он просил меня рекомендовать ему человека умного, образованного, хорошего круга, а главное энергичного, который взял бы на себя воспитание его сына, мальчика с испорченным вследствие несчастных обстоятельств характером, ленивого и дерзкого до крайности. В течение полугода он вывел из терпения трех воспитателей.

— Вы считаете выгодной должностью быть козлом отпущения у такого чудовища? — спросил Готфрид с усмешкой.

— Погодите. Кроме этого чудовища, которому едва исполнилось девять лет, в доме живет его отец — такой симпатичный и благородный человек, какого только можно себе представить, к тому же больной и одинокий. Он живет уединенно в своем замке.

Практическая сторона дела — значительное вознаграждение, которое граф предлагает тому, кого я рекомендую; оно равняется жалованью большой государственной должности. Это тотчас же вывело бы вас из затруднительного положения и дало бы вам возможность обеспечить вашим матери и ребенку все удобства жизни. Вы могли бы даже откладывать на будущее. Таким образом, вам было бы легко попытать счастья в Новом свете впоследствии, когда вы исполните принятое вами обязательство и маленький Танкред — согласно желанию отца —

поступит в военную школу. Со свойственной вам энергией, я полагаю, вы справитесь с маленьким чертенком.

Готфрид опустил голову. Рассудок говорил ему, что его старый друг прав.

— Вследствие каких обстоятельств этот несчастный ребенок так испорчен? — позволил себе уточнить он.

— Это вина его матери, — отвечал Фридман. — Графиня, говорят, отчаянная кокетка, занята нарядами, жаждет всеобщего поклонения и отравляет всех, кто попадает в ее сети. Была ли она виновна перед своим мужем или нет, но только он имел дуэль с одним слишком ревностным ее обожателем. Графиня уехала от мужа и увезла Танкреда, которому было тогда три года. С тех пор она живет за границей, где ведет веселую жизнь, сохраняя, впрочем, наружное приличие, так как возит с собой старую родственницу. Но сына своего она решительно развратила своим безграничным обожанием и потаканием его недостаткам. Граф, серьезно раненый на дуэли, заперся с тех пор в своем замке и только в прошлом году узнал, какое воспитание получает его сын. Он потребовал возвращения ребенка, и мать отдала его с условием увеличения ее годового содержания. Остальное вам известно. Я забыл лишь сказать, что так как правая рука графа осталась слабой, вам придется помогать ему в его переписке.

По некотором размышлении Готфрид согласился принять предлагаемую должность, и вот мы видим его едущим на место своего нового назначения. Какое-то тайное опасение теснило его грудь, гордая душа возмущалась при мысли о подчиненном положении, которое ожидало его.

Глубоко вздохнув, он выпрямился, провел рукой по лбу, как бы желая отогнать докучливые думы и, опустив стекло, стал глядеть в окно.

Дорога в этом месте загибалась и довольно быстрым скатом спускалась в долину, лежащую среди лесистых гор. В глубине ее, на холме, возвышалось обширное здание, окруженное садами. Это и был замок Рекенштейн. Сердце молодого человека, по непонятной ему самому причине, почему-то сжалось.

Пока Готфрид рассматривал свою будущую резиденцию, карета въехала в аллею вековых дубов и повернула к золоченой решетке

ворот, над которыми возвышался герб; затем, обогнув площадку, украшенную фонтаном, она остановилась у подъезда.

Два лакея выбежали встретить прибывшего, и один из них, помогая ему выйти, почтительно сказал:

— Граф желает вас видеть, сударь, как только вы отдохнете.

— Проводите меня в назначенную мне комнату, я оправлюсь и тотчас пойду к графу.

Предшествуемый лакеем, Готфрид прошел вестибюль, убранный цветами, откуда лестница с золочеными перилами, устланная ковром, вела в комнаты верхнего этажа; затем длинная анфилада парадных комнат привела его в прелестный маленький зал, смежный со спальней, где тотчас и сложили его вещи.

— Куда ведет эта дверь? — указывая на полуспущенную портьеру, спросил Готфрид лакея, помогавшего ему переодеваться.

— В комнату маленького графа, — отвечал тот. — Только теперь господин Танкред запер ее на ключ, так как он очень недоволен вашим приездом.

— Разве он сидит в запертой комнате?

— Маленький граф в саду. Он очень рассердился, когда доложили о вашем приезде, разбил большую китайскую вазу, положил ключ в карман и убежал.

Окончив свой туалет, Готфрид направился в комнаты владельца замка. Старый камердинер ввел молодого человека — предварительно доложив о нем — в кабинет графа. Обои и мебель темно-зеленого цвета придавали этой комнате суровый, мрачный вид.

Возле окна человек лет около пятидесяти сидел в кресле с высокой спинкой, украшенной гербом. Ноги его, обложенные подушками слева и справа, были укутаны одеялом; болезненно-бледное лицо сохраняло отпечаток замечательной красоты: темные глаза, затуманенные грустью, выражали доброту и страдание; волосы на голове, еще густые, начинали седеть.

— Добро пожаловать, месье Веренфельс! Мой старый друг Фридман писал мне о вас так много хорошего, что вы уже снискали мое доверие и симпатию, — сказал граф, протягивая Готфриду свою исхудалую руку и устремляя приветливый взгляд на красивую атлетическую фигуру молодого человека.

— Благодарю вас, граф, постараюсь оправдать ваше доверие, — отвечал Готфрид, садясь в кресло, которое указал ему хозяин.

— Тяжелую обязанность я взваливаю на ваши плечи, мой юный друг, — продолжал хозяин дома. — Характер Танкреда таков, что я и понять не могу, откуда он мог взять такие манеры. Его грубость и леность невообразимы; он питает отвращение ко всякому труду. Никто до сих пор не мог побороть его упрямства, а когда он впадает в бешенство, то не помнит себя. А между тем, когда вы его увидите, то пожалеете, как и я, что это маленькое существо, так богато одаренное, погибает нравственно.

— Я сделаю все, что под силу человеку, чтобы исправить вашего сына. Но уполномочиваете ли вы меня, граф, употреблять меры строгости, если я найду это нужным?

— О, конечно, даю вам на то полное право. Передаю вам, так сказать, мою отеческую власть. Наказывайте строго, секите его, если он того заслуживает. Я сам давно должен был начать это делать, но мое болезненное состояние лишило меня всяких сил.

В эту минуту в соседней комнате раздался топот, и в кабинет ворвался мальчик в синей суконной матроске.

Пока Готфрид с любопытством глядел на него, ему стали понятны и сожаление графа, и его слабость к сыну. Никогда он не видал такого красивого ребенка. Бледное личико с тонкими и правильными чертами камеи, обрамленное длинными черными локонами с синеватым отливом, казалось шедевром, который мог создать лишь великий художник. Но пурпурный ротик выражал капризность и упрямство, а большие синие, как васильки, глаза сверкали гордостью и дерзостью. Увидев нового воспитателя, Танкред остановился и, не удостоив поклоном, смерил его презрительным взглядом.

— Черт его принес! — проворчал он. Затем отвернулся, бросился в кресло, положил ноги на стол, схватил папироску, зажег ее и стал курить.

— Вот видите! — сказал граф с унынием, смешанным с раздражением.

— Я приступлю к воспитанию моего ученика и заставлю его понять, как он должен вести себя в присутствии отца, — проговорил Готфрид, затем спокойно подошел к Танкреду, отнял у него папироску, бросил ее в пепельницу и, приподняв мальчика, поставил его на ноги.

— Маленьким детям не полагается курить, и я запрещаю тебе дотрагиваться до папирос, — сказал он строго. — И чтобы я в первый и последний раз видел, что ты позволяешь себе так непристойно держаться перед своим отцом и передо мной. Берегись не слушаться меня, если не хочешь быть строго наказанным.

Танкред на минутку как бы окаменел, но уже вскорости, дрожа от злости, бросился к отцу и, топая ногами, закричал:

— Папа, ни одного дня не смей оставлять здесь этого нахала, который позволяет себе дотрагиваться своими грязными руками до графа Рекенштейна и угрожать ему; прогони его тотчас же! Я этого хочу.

— Танкред, не стыдно ли тебе? Ты совсем не любишь меня, если причиняешь мне такие волнения, — проговорил граф слабым голосом. Мальчик бросился к нему, охватил его шею и зарыдал.

— Я не хочу никого слушаться, — твердил он сквозь слезы. — У мамы все делали, что я хотел. Учиться мне скучно. Если ты хочешь, чтобы я тебя любил, прогони этого грубияна.

— Будь благоразумен, дитя мое, — отвечал граф, целуя кудрявую голову мальчика. — Месье Веренфельс — твой воспитатель; ты должен его уважать и слушаться. Будь вежлив, прилежен, и он будет к тебе добр. Графу Рекенштейну необходимо учиться. Блестящий офицер, каким ты хочешь быть со временем, не может оставаться невеждой, не умеющим ни читать, ни писать.

Граф замолчал и, бледнея, откинулся на спинку кресла. Готфрид поспешно подошел и, отводя Танкреда, сказал:

— Видишь, как твое поведение огорчает отца. И как тебе не стыдно так плакать? Большой мальчик рыдает оттого, что надо учиться! Какой срам! Пойдем.

Танкред хотел сопротивляться, но встретив спокойный, энергичный взгляд своего нового воспитателя, он опустил голову, дал взять себя за руку и покорно пошел за Готфридом.

Придя в свою комнату, Готфрид с тем спокойствием, которое, по-видимому, действовало внушительно на воспитанника, приказал ему отпереть замкнутую дверь. После минутного колебания Танкред вынул из кармана ключ и молча, с угрюмым видом, подал его лакею. Дверь мгновенно была открыта.

С новым удивлением Готфрид вошел в спальню с голубой атласной обивкой на стенах и на мебели. Широкая кровать, украшенная

кружевами, стояла на возвышении, покрытом мехом, а рамка туалетного зеркала из массивного серебра изображала амуров, держащих свечи. Испытав неприятное ощущение от всего этого убранства, не приличествующего мальчику, готовящемуся стать офицером, Готфрид заинтересовался у лакея, по приказанию ли графа было так убрано помещение его сына.

— Нет, — отвечал лакей. — Это господин Танкред хотел непременно занять комнаты графини, а так как сам барин ни во что не входит, то управляющий приготовил для вас будуар и уборную.

В тот же вечер за игрой в шахматы с графом Готфрид попросил у него разрешения занять со своим воспитанником другое помещение, более соответствующее нуждам последнего.

— Конечно! — с готовностью отвечал граф. — Выбирайте какие хотите комнаты. Я отдам приказание управляющему обустроить их согласно вашим указаниям.

На следующий день, осмотрев замок, Готфрид выбрал четыре комнаты, смежные со средней частью здания времен Возрождения; одна из которых выходила на широкую террасу, ведущую в сад.

Танкред был взбешен такой переменной, но не смел выказывать своего неудовольствия, так как его воспитатель внушал ему невольный страх. Но затаенная злоба кипела в нем и при первом случае вырвалась наружу.

Это было на третий день их водворения в новом помещении. Они были в классной комнате, смежной с террасой. Готфрид сидел у окна и читал газету. Танкред, стоя у дверей террасы с книгой в руках, не учился, а барабанил с досадой по стеклу. Вошел лакей и положил на стол большую папку тетрадей.

— Возьми прочь этот хлам, которого я видеть не хочу, и убирайся к черту! — распорядился маленький граф, взглянув искоса на врагов своего спокойствия. Заметив, что лакей не обращает никакого внимания на его слова, Танкред побагровел, разбил ногой стекло балкона, подбежал к столу, схватил тетради и швырнул их в лицо лакея, осыпая его потоками брани.

Готфрид, молча следивший за этой сценой, встал и без раздражения, но как человек, обладающий непреодолимой властью, взял маленького графа за уши, поставил его на колени и сказал:

— Подними тетради и сложи их в порядке. Пока не сделаешь этого, обедать не будешь.

Такое обращение и такая угроза довели озлобленного мальчика до крайнего раздражения. С криком орленка он вскочил на ноги, бросился на лакея и стал бить его кулаками и ногами. Ухватившись за его жилет, оторвал от него карман и неистово возопил:

— Негодяй, каналья, я сверну тебе шею, если ты сию минуту не возьмешь его за шиворот и не вышвырнешь прочь. Если же послушаешься меня, я дам тебе десять талеров!

Готфрид, видя, что надо приступить к энергичным мерам, чтобы пресечь зло в корне, взял камышовую тросточку, гибкую как хлыстик, и прежде чем маленький граф мог догадаться, что его ожидает что-либо подобное, он был схвачен и подвергнут примерному наказанию. Напрасно малец вырывался из железной руки, которая его держала: силы и упрямство его были преодолены, что и вылилось в потоках слез. Впервые непокорный ребенок был побежден!

Чтобы дать своему ученику поразмыслить на свободе о суровом уроке, который был дан ему, Готфрид оставил его обедать одного в своей комнате. Но когда, отобедав с графом, Веренфельс возвратился к себе, то не нашел уже там Танкреда — он убежал, и его нигде нельзя было найти.

— Должно быть, он побежал к судье, — предположил лакей.

— К какому судье?

— К уездному судье, Линднеру. Он живет в Рекенштейнской деревне, по ту сторону парка. У него много детей одного возраста с маленьким графом, и господин Танкред любит туда ходить.

Готфрид взял шляпу и пальто и, расспросив, какой дорогой идти, отправился отыскивать своего ученика. Погода стояла великолепная. Маленькая боковая дверь в бронзовой решетке была открыта, и Готфрид вошел в аллею дубов и лип, в конце которой виднелись дома большого села и высокая колокольня церкви. Девочка, сидевшая с вязаньем на пороге первого домика, вежливо указала ему дом судьи, находившийся по ту сторону улицы, несколько в стороне, и окруженный хорошеньким садом и огородом. Широкий балкон, увитый виноградником, белые занавески и великолепные цветы на всех окнах придавали этому уютному жилищу свежий и изящный вид.

Перед верандой два маленьких мальчика, семи и девяти лет, играли с деревянной лошадкой; пятилетняя девочка нанизывала красные ягоды на длинную нитку.

— Дома ли ваши родители? — спросил Готфрид, дружески кланяясь детям.

— Отец вышел, — отвечал старший мальчик, снимая с головы свою соломенную шляпу. — Но мама там, в саду, с Танкредом. Он не хотел играть с нами, и мама велела нам уйти.

Молодой человек пошел по указанной аллее и вскоре увидел беседку из жимолости, под сенью которой на скамейке сидела молодая женщина в темном платье и белом переднике. Обняв рукой Танкреда, припавшего кудрявой головой к ее груди, она что-то тихо говорила ему, видимо, стараясь его успокоить.

Заметив приблизившегося посетителя, поклонившегося ей, мадам Линднер протянула ему руку и приветливо спросила:

— Вы пришли, вероятно, за вашим маленьким беглецом?

— Да, сударыня. Но если позволите, я отдохну у вас немного.

Танкред быстро приподнялся и, увидев Готфрида, схватился обеими руками за голову и, топнув ногой, крикнул с комическим отчаянием:

— Даже сюда я не могу убежать, чтобы спастись от тирании! Ах, если бы мама знала, как я несчастлив, как меня мучают, она не отдала бы меня. Я всех ненавижу в замке, и папу, и вас, которого он называет своим другом и которому поручил убивать меня.

— Танкред, можно ли так говорить об отце и своем воспитателе? — перебила его мадам Линднер.

— О моем тюремщике, о моем палаче! — возразил неукротимый мальчик.

— Замолчи. Я не хочу больше слышать ничего подобного. Ступай играть с Конрадом и с Франсуа. Иди, будь умником. Обещаешь ты мне это?

Танкред медленным шагом направился к своим товарищам.

Готфрид сел на скамейку, с которой госпожа Линднер сняла корзинку с детским бельем и связкой ключей.

— Трудная ваша обязанность, месье Веренфельс! У Танкреда тяжелый характер, — сказала она, — это несчастный, брошенный ребенок. Для матери он служил всегда игрушкой, предметом ее фантазий и прихотей; а головы француженок, приставленных к нему, были вечно

заняты интригами. Танкред всегда любил приходить сюда, и гувернантки пользовались этим: предоставляя его мне, они свободно занимались своими любовными делами.

— Да, положение ребенка печальное, — сказал Готфрид, снимая шляпу и проводя рукой по волосам, — но нелегкое и для графа. Он, по-видимому, обожает своего сына.

— Конечно. Танкред — живой портрет графини, которую граф боготворил. Надо сказать правду, она такая красавица, что ей подобной нет на свете; но при этом пустая светская женщина. Граф, должно быть, не раз пожалел о своей первой жене, кроткой и любящей.

— У графа не было детей от первого брака?

— От покойной графини Хильды остался сын, граф Арно, которому должен быть теперь двадцать один год; его обширные владения находятся рядом с рекенштейнскими землями.

— Танкред ничего не говорил мне о своем брате.

— Он никогда его не видел. Все в этой стране знают о семейном несогласии, возникшем вследствие вступления графа во второй брак. Его тесть и теща были тогда еще живы и решительно восстали против этого супружества, но напрасно — свадьба состоялась. Дед и бабушка взяли к себе маленького Арно и воспитывали его в столице. С тех пор он никогда не видел отца. По смерти графа Арнобургского граф Вилибальд был устранен от опеки, и даже разрыв с графиней Габриэль не привел его к сближению с сыном.

Приход судьи прервал рассказ Гертруды Линднер. Она пошла в дом, чтобы распорядиться подать кофе. Разговор мужчин перешел на другие предметы.

Готфрид чувствовал себя так хорошо в этой милой семье. Да и сам внушил судье и его жене такую симпатию, что когда он стал прощаться, чтобы вернуться в замок со своим чертенком, то должен был дать обещание часто навещать своих новых знакомых.

Молодой человек охотно исполнял свое обещание, а спустя некоторое время дом судьи сделался для него еще более привлекательным.

Однажды утром, придя с Танкредом, чтобы взять с собой Конрада и Франсуа и пойти вместе в лес за грибами, Готфрид был очень удивлен, увидев на балконе незнакомку, которая помогала мадам Линднер заготавливать консервы. Это была девушка лет семнадцати; ее

светло-русые волосы и кроткое, милое личико с ясными голубыми глазами излучали невинность и доброту.

Жена судьи представила ее, сказав, что это их племянница Жизель, дочь старшего брата ее мужа, и что она приехала помочь ей по хозяйству. Заметив вскоре, что Жизель была столь же образованна, сколь и красива, Готфрид находил в ее обществе все более и более удовольствия.

Прошло несколько месяцев. Положение Готфрида еще улучшилось; его энергия и деятельность расположили к нему вполне сердце графа.

После нескольких бурных сцен, чувствительных наказаний и сажания на хлеб и воду Танкред покорился. Хотя неохотно, но все же он повиновался. Отныне спокойный строгий взгляд наставника имел над ним такую власть, что он не мог противиться ей.

Подчиненный полезному режиму, разумно занятый классным учением и телесными упражнениями, вставая и ложась в определенные часы, мальчик стал красивее и здоровее; бледность сменилась румянцем; он вырос и заметно развился. Готфриду оставалось бороться только с его леностью и затаенной враждой, которую воспитанник выказывал ему при каждом случае.

Граф был в восторге от заметного улучшения в манерах и физическом состоянии Танкреда, все более и более привязываясь к Готфриду, который действительно стал его правой рукой, надежным помощником в делах, доверенным лицом в полном смысле этого слова.

Готфрид имел основательные сведения обо всем, что касалось эксплуатации имения. Он вскоре заметил серьезные беспорядки в управлении лесом и в операциях паровой мельницы, недавно устроенной. Он счел своей обязанностью сообщить об этом графу и добросовестно помог ему вникнуть в злоупотребления и восстановить порядок.

Преисполненный благодарности граф посвятил молодого человека еще более в свои дела, наполовину увеличил его жалованье и объявил ему, что, как только Танкред поступит в военное училище, он сделает Готфрида главным управляющим.

Веренфельс чувствовал себя спокойным, счастливым и стал мечтать о будущем. Он замечал, что Жизель чувствовала к нему более нежели простое расположение, и сам он тоже привязался к этой милой молодой девушке. Готфрид говорил себе, что, сделавшись главным

управляющим, он сможет вновь обзавестись хозяйством. Жизель, простая, деятельная и хорошая хозяйка, может быть именно такой женой, какая ему нужна, преданной дочерью его старой матери, а для маленькой Лилии — матерью и наставницей.

Но несчастье научило его быть осторожным, и он не позволил себе пробудить в сердце Жизель надежд, которые вследствие каких-нибудь обстоятельств могли не сбыться. Он решил не приступать к решительному объяснению, пока его судьба не будет окончательно обеспечена.

Однажды утром Веренфельс вошел в кабинет графа, чтобы дать ему подписать некоторые деловые письма. Однако нашел его сидящим у окна с письмом в руках и всецело поглощенным своими мыслями. Готфрид положил бумаги на стол и хотел молча уйти, но граф поднял голову и позвал его.

— Я получил сейчас известие, которое радует и удивляет меня.

А вместе с тем оно вызвало во мне так много воспоминаний...

Граф медленно сложил большой лист, украшенный гербом.

— Мой сын Арно, — продолжал он, — пишет мне самым миролюбивым образом, сообщает, что скоро приедет ко мне, и просит забыть все, что так напрасно разделяло нас.

— Верьте, граф, я искренне счастлив, что сгладилось недоразумение, которое должно было так тяготить ваше отцовское сердце.

Голос и взгляд молодого человека выражали самое сердечное участие.

— Благодарю вас, Веренфельс. Садитесь и побеседуем немного. Я не люблю говорить об этом печальном прошлом; но, питая к вам особое уважение и дружбу, расскажу в коротких словах все, что произошло. Чтобы вы лучше меня поняли, я должен обратиться к тому времени нашей фамильной истории, когда в XIV веке род наш разделился на две ветви. Старшая ветвь, вследствие брака ее представителя с богатой наследницей из одного высокого рода, стала именоваться Рекенштейн Арнобург, а младшая, которой принадлежит замок, где мы находимся, приняла название Рекенштейн Рекенштейн. С течением веков многочисленные разногласия разделили эти две ветви, и старшая окончательно усвоила себе фамилию Арнобург. Но в наше время от древнего рода оставалось лишь два представителя — я и Хильда, единственная дочь графа Арнобург. Было решено соединить нас браком и при этом постановлено, чтобы наш старший сын назывался

графом Рекенштейном, а второй носил и увековечил бы фамилию своей матери, унаследовав замок и большую часть владений, принадлежащих к нему.

Брак мой с Хильдой, хотя и вызванный семейными соображениями, был самый счастливый, и лишиться жены после десятилетнего супружества было большим для меня несчастьем. Она оставила мне единственного сына — Арно.

Здесь я должен сказать, что во время моего пребывания в столице, где я служил в кирасирах, я подружился с молодым офицером, графом Девеляром, человеком весьма симпатичным, но легко увлекающимся. Несчастливая страсть испортила ему карьеру. Он влюбился в молодую актрису, прекрасную, как ангел, и женился на ней. Эта выходка лишила его службы и большого майората, который перешел к его двоюродному брату. Он вышел в отставку, и я потерял его из виду.

Через два года после смерти моей жены я неожиданно получил письмо от Девеляра, в котором он писал, что, будучи несчастлив в супружестве, он жил в провинции, обходясь кое-как малым остатком своего состояния. Чувствуя приближение смерти, он умолял меня взять на себя опеку над его единственным ребенком, пятнадцатилетней девочкой, находящейся в пансионе. Я поспешил к нему, поклялся заботиться о его дочери, я же и закрыл ему глаза.

Затем я поехал навестить свою воспитанницу. Это свидание решило мою судьбу. Габриэль была красива, как ее мать; я полюбил ее и решил жениться на ней.

Это намерение вызвало сильное неудовольствие моей семьи. Мне не могли простить, что я позабыл Хильду и даю мачеху своему сыну. Случайная встреча внушила моей теще сильную ненависть к Габриэль. У меня почти силой отняли Арно. Рождение Танкреда подняло настоящий ураган. Мысль, что сын ненавистной женщины будет носить имя Арнобурга, страшно раздражила мою тещу. Арно воспитывался в Берлине, во враждебном мне духе, назывался Арнобургом, был сделан моряком, чтобы быть дальше от меня, и после смерти деда и бабушки жил в Швеции у тетки. Теперь ему исполнился двадцать один год, и он должен приехать, чтобы вступить во владение своими землями. Я не рассчитывал увидеть его, так как он никогда не делал ни одного шага к сближению. Его неожиданное письмо

доставило мне большую радость. Я жажду обнять его и надеюсь, что он будет другом Танкреду, когда меня не станет.

Позвоните, пожалуйста, мой друг, чтобы мне позвали управляющего. Надо приготовить комнаты для блудного сына, который, впрочем, богаче меня. Танкред будет беден в сравнении с братом.

II. Арно и его мачеха

Две недели спустя граф получил телеграмму, которая сильно его взволновала.

— Арно извещает меня, — сказал он Готфриду, — что завтра, в девять часов утра, он будет на станции. Я прошу вас, мой милый Веренфельс, поехать с Танкредом встретить его. Я положительно не могу свидеться с моим сыном в толпе посторонних людей. Но он будет рад увидеть своего маленького брата и вас, о котором я не раз писал ему.

Танкред, сияющий от удовольствия, что едет встречать незнакомого ему брата, поднялся чуть свет и успокоился лишь тогда, когда сел в карету. Не менее нетерпелив и еще более счастлив был Антуан, старый охотник графа, тридцать лет прослуживший в Рекенштейне. Когда поезд остановился, Готфрид, взяв за руку своего воспитанника, пошел с ним вдоль вагонов, стараясь угадать в массе пассажиров того, кого они ожидали. Вдруг он увидел, что Антуан, опередивший его, со слезами радости целует руку высокого молодого человека, выходящего из купе первого класса. Но и без этого указания Веренфельс узнал бы Арно благодаря его сильному сходству с отцом. Совершенно таким же был изображен граф Вилибальд на большом портрете в год своего совершеннолетия. Тот же высокий, гибкий стан, те же темные глаза, добрые и кроткие, те же каштановые волосы, то же аристократическое изящество во всей фигуре.

Поздоровавшись дружески со старым слугой, Арно увидел Танкреда, который бежал к нему с распростертыми объятиями. Молодой граф внезапно побледнел и провел рукой по лбу; затем, быстро преодолев себя, наклонился к ребенку и несколько раз нежно поцеловал его. Не выпуская руки своего маленького брата, Арно подошел к Готфриду и поздоровался с ним с самой дружеской приветливостью.

— Мой отец, — сказал он, — писал мне, как многим мы вам обязаны, месье Веренфельс, и я питаю к вам живейшую симпатию. Надеюсь, что мы будем весело проводить время в Рекенштейне. Я столько лет был в разлуке с отцом, что теперь должен усердно и возможно дольше ухаживать за ним.

Сперва Танкред вполне овладел вниманием своего брата. Он не переставал болтать и задавать ему вопросы. Тот не успевал отвечать и всматривался в него как-то особенно вдумчиво и нежно. Наконец,

утомленный доро́гой и впечатлениями, Танкред прислонился к подушкам кареты и, со свойственной детям способностью везде приловчиться, уснул глубоким сном.

Готфрид прикрыл его пледом, и Арно сказал:

— Мой отец писал мне, сколько терпения и труда стоило вам дисциплинировать Танкреда. Я положительно не могу понять, от кого у него такой тяжелый характер.

— Это умный и богато одаренный ребенок, но ленивый, дерзкий и чрезвычайно капризный; мать избаловала его, — отвечал Готфрид.

— Мать избаловала... — повторил Арно с удивлением и сильно краснея. — Поверьте, месье Веренфельс, что это неправда. Быть может, она была слаба к нему, как женщина слишком молодая для того, чтобы быть разумной матерью. Но, по моему мнению, отцу не следовало соглашаться на разлуку с женой и с сыном. Однако же... должен вам признаться, месье... чем больше я гляжу на Танкреда, тем более поражаюсь его удивительному сходству с матерью. Это одно лицо! — поднял Арно свои глаза на воспитателя.

— Разве вы знаете графиню? — от удивления Готфрид сделал некий вензель рукой в воздухе. — Я полагал, что вы никогда ее не видели.

— Я неожиданно встретился с ней в Париже, где провел три последних месяца. Мы оба были поражены, узнав о нашем близком родстве; и увидев свою мачеху, я понял, почему отец полюбил ее. — Несколько принужденная улыбка скользнула по губам Арно, и мимолетный румянец промелькнул на его свежем лице. — Лишь моя детская неопытность могла заставить меня недружелюбно отнестись ко вполне законному поступку. Ах, — сокрушенно взялся за лоб Арно рукой в перчатке, — я многое должен загладить перед отцом. Но скажите, месье Веренфельс, действительно ли здоровье его так плохо, как он писал мне?

— Граф чувствует себя дурно, — кивнул Готфрид, — и апатия, овладевшая им, старит его преждевременно.

— Все изменится. Отец будет снова счастлив. А... вот и Рекенштейн! — вскрикнул Арно. Глаза его блеснули, и, опустив стекло, он с жадностью всматривался во все окружающее.

Свидание отца с сыном сильно взволновало обоих. Долго они сжимали друг друга в объятиях, и граф не мог насмотреться на молодого

человека, так живо напоминавшего ему его собственную молодость, а также и добрую, любящую женщину, с которой он был так счастлив. Арно поразила перемена, происшедшая в графе, и его болезненный вид. Со слезами на глазах он взял его руку и прижал к своим губам. — Прости мне, отец, горе, которое я тебе причинил в моем неведении жизни. Теперь ты будешь иметь во мне вдвойне преданного тебе сына. Молодой человек сдержал слово. С настойчивостью и любовью он вырвал отца из апатии, изводившей его, приучил к продолжительным прогулкам пешком и верхом, возил его к соседям, приглашал их; словом, так хорошо вел дело, что после двух месяцев такого насильственного режима граф Вилибальд сделался неузнаваем. Сгорбленный стан выпрямился, болезненная бледность лица сменилась свежестью, и его темные глаза приобрели прежний блеск. Граф сам не узнавал себя и называл Арно чародеем.

Была половина мая. Арно находился в отсутствии по случаю вступления во владение наследством. Вернувшись верхом из Арнобурга, он прошел к отцу. Граф Вилибальд, возвратясь с прогулки, курил у себя в комнате, читая журнал. Сообщив все подробности своей поездки, молодой граф вдруг прервал разговор и сказал с волнением: — Папа, мне надо передать тебе письмо, ответ на которое ожидается с мучительным нетерпением.

— О каком письме ты говоришь? Это возбуждает мое любопытство. Слегка дрожащей рукой Арно вынул из кармана футляр, достал из него надушенный конверт, запечатанный гербовой печатью, и подал его отцу.

Граф мгновенно побледнел, и его протянутая рука опустилась.

— Что это значит? Откуда у тебя письмо Габриэль? Я узнаю ее почерк, — проговорил он, тяжело дыша.

— Она сама дала мне его для передачи тебе.

— Так ты видел ее? Но где же?

— Этой зимой в Париже, — отвечал Арно с некоторым замешательством. — Мы неожиданно встретились. Но потом я с ней говорил и увидел, что ее раскаяние так глубоко, ее любовь к тебе так искренна, что я счел своей обязанностью взять это письмо.

— Ее любовь ко мне! — повторил граф с едкой иронией. — Какую ложь рассказала тебе эта вероломная женщина, изменившая мне и покинувшая меня?

Лицо молодого графа вспыхнуло, и слегка дрожащим голосом он возразил:

— Не слишком ли ты строг, отец, клеймя таким суровым словом неосторожность неопытной молодой женщины? Габриэль, действительно, оскорбила тебя своим легкомысленным кокетством, но я не считаю ее способной на бесчестный поступок. И мне кажется, что во всяком случае тебе бы следовало прочесть ее письмо.

Он настойчиво вложил конверт в руку отца, а сам из скромности отошел к окну. Граф колебался еще с минуту, его нервно дрожавшие руки как бы отказывались открыть письмо. Память обо всем, что эта женщина заставила его вынести и что разлучило их, жгла его. Наконец с внезапной решимостью он сломал печать.

— Арно! — крикнул он минуту спустя.

Молодой граф, стоявший прислоняясь к стеклу и погруженный в свои думы, поспешно подошел, стараясь угадать на взволнованном лице отца его решение.

— Возьми и прочти, а после дай мне совет, ты зрелый человек теперь, — сказал граф, подавая ему письмо, которое Арно взял с некоторым смущением.

Волнуемый противоречивыми чувствами, он погрузился в чтение послания Габриэль к оскорбленному супругу.

«Прости мне горе, которое я причинила тебе своей преступной ветреностью, — писала графиня между прочим. — Позволь мне вернуться, чтобы ухаживать за тобой и загладить мои заблуждения. Не будь жесток, Вилибальд; ведь ты же любил меня. Ужели это чувство умерло в тебе и ты останешься глух к моей мольбе? Если бы ты знал, какой одинокой я чувствую себя! Как я жажду соединиться с тобой и с моими детьми, моими сыновьями. Арно овладел моим сердцем благодаря своей доброте и своему великодушию. Он вполне сын твой по сердцу. Когда я его увидела, то поняла, что тебе, единственной и первой любви моей непорочной молодости, принадлежит мое сердце, несмотря на ошибки и увлечения, омрачившие это чувство».

В заключение она говорила, с каким нетерпением и с каким мучительным беспокойством ожидает решения своей судьбы — помилования или приговора.

С пылающей головой, тяжело дыша, Арно положил письмо на стол. Множество бурных чувств толпилось в его душе. Так это он пробудил

в сердце Габриэль уснувшую любовь к отцу. Она любила еще Вилибальда, она желала возвратиться в его объятия, заслужить его любовь... Неопределенная грусть сжала сердце молодого человека при воспоминании об очаровательной женщине, которую граф безумно любил и ревновал. О, теперь он понимал это чувство. Но его душевное волнение было непродолжительно. Честная, великодушная натура Арно подсказала ему, что сделать: его долг — водворить мир в семье. Счастье отца и Габриэль должно быть его счастьем.

— Я думаю, отец, что прощать есть долг христианина, — сказал он, просительно глядя, — и что эта молодая женщина слишком долго оставалась одинокой, предоставленной искушениям и опасностям. Место Габриэль — под кровом ее мужа, близ ее ребенка. Не отталкивай ее!

Со слезами на глазах граф привлек Арно к себе на грудь и долго не выпускал его из своих объятий.

— Ты гений мира, как твоя кроткая, святая мать, — сказал он. — Габриэль вверила свою защиту в хорошие руки. О, дай Бог, чтобы ее раскаяние было искренно и ее возвращение принесло бы нам счастье, как ты надеешься. Я напишу ей, что если она желает, то может возвратиться. Теперь же, когда этот вопрос решен, расскажи мне, дитя мое, где и как вы с ней встретились?

— Я приехал в Париж в начале января, — начал свой рассказ Арно. — У меня было письмо от тетушки к ее внуку Магнусу, очень милому молодому человеку, состоящему при шведском посольстве. Он знакомил меня со знаменитой столицей. Я просил представить меня в семейных домах. Магнус сказал мне, что скоро в одном салоне высшего финансового мира будет большой костюмированный бал, где соберется избранное общество; он обещал устроить мне приглашение, чтобы доставить возможность сделать выбор семейств, с которыми я пожелаю познакомиться.

Мы приехали на тот вечер оба костюмированные. Сначала я был поглощен феерической роскошью убранства, богатством и вкусом костюмов; но когда это первое любопытство было удовлетворено, мне захотелось познакомиться с кем-нибудь. Я заметил в толпе белое домино, которое тотчас овладело всем моим вниманием. Надо тебе сказать, отец, что я чрезвычайно люблю красивые руки; рука «домино» небрежно играла веером, и белая перчатка этой маленькой, как бы

детской ручки обрисовывала такую изящную форму, что я не мог отвести от нее глаз.

Под атласным полузакрытым плащом виднелся костюм королевы Марго, тоже белый и весьма богатый. Я не отставал от незнакомки; она прошла в зимний сад, где в ту минуту никого не было, кроме другого домино, черного, глаза которого выражали полнейшую скуку.

«Тетя Люси, — проговорила моя незнакомка, садясь возле этой печальной фигуры, — можно ли скучать на таком прелестном вечере? Я пришла сюда освежиться, ускользнула от толстого барона и сниму маску».

Она сняла ее и отерла платком разгоревшееся лицо. Скрытый деревьями, я глядел на нее и думал, что вижу восемнадцатилетнюю девушку пленительной красоты. И, когда она вернулась в большой зал, я подошел к ней, напевая: «Plus blanche que la blanche hermine...»². «Ты ошибаешься, красавец Рауль; я только наружно бела», — ответила незнакомка. «Кажется, ты хочешь запугать меня? — сказал я на это. — Уверить меня, что сердце твое черно, как твои черные локоны?» Она рассмеялась: «Ты, может быть, прав, и я начинаю думать, что ты меня знаешь». Я подал ей руку, и мы, весело разговаривая, смешались с толпой.

Наконец она попросила меня отвести ее в зимний сад, к ее старой родственнице; сказала, что умирает от жары, сняла маску и предложила мне последовать ее примеру. Чтобы положить конец нашему обоюдному инкогнито, я поспешно повиновался. Но едва она услышала мою фамилию и взглянула мне в лицо, как вскрикнула и опустилась на подушки, бледная как смерть. «Что с вами? — спросил я с испугом. — Я не могу предположить, чтобы мое имя или мое лицо могли причинить вам столько страдания». Она приподнялась и, со странным выражением устремив на меня свой взгляд, проговорила: «Я не была приготовлена найти в вас... моего сына. Я Габриэль, графиня Рекенштейн».

Эти слова поразили меня как громом. В голове моей, как ураган, бушевала мысль, что эта женщина, имеющая вид восемнадцатилетней девочки, была моя мачеха, которая стояла мне дуэли и оскорбила честь нашего имени... Вероятно, эти мысли отразились на моем лице, так как она сказала с горечью: «Вы меня ненавидите и осуждаете по внешним данным, как сделал ваш дед. Вы не можете простить вашему

отцу, что он дал мне свое имя». — «Мне достаточно было вас увидеть, чтобы понять чувства моего отца и извинить их!» — промолвил я. Она протянула мне руку и сказала со слезами на глазах: «Если ваши слова искренни, то навестите меня, Арно; мне нужно поговорить с вами».

— Немного остается прибавить к сказанному, — снова ясными глазами взглянул Арно на отца. — Я был у нее и убедился, что ее раскаяние в прошлом искренно. Что она любит тебя и жаждет твоего прощения. Я обещал ей примирить ее с тобой и всеми силами стараться снова соединить вас.

— Рука Провидения устроила эту странную случайность, — сказал Вилибальд, сжимая руку сына.

С этого дня все зашевелилось в замке. Граф, видимо, стал находить в жизни интерес, и, судя по приготовлениям, которые производились в комнатах графини, заметно было, что любовь к красавице жене все еще таилась глубоко в сердце мужа. Он написал ей письмо и получил ответ, преисполненный радости и благодарности. Габриэль извещала, что тотчас приведет в порядок свои дела в Париже и недели через три прибудет в Рекенштейн.

Один Готфрид, услышав о близящемся возвращении графини, ощутил неудовольствие и досаду, похожие на отвращение. Не умея объяснить себе такую странность, он решил избегать этой женщины насколько возможно. Ему казалось, что прибытие ее предвещало ему нечто дурное. Вскоре он заметил, что, несмотря на беззаботный вид и наружную веселость, Арно находился в каком-то лихорадочном раздражении, в какой-то тревоге, которая не давала ему покоя. Готфрид искренне привязался к симпатичному молодому человеку, и мучительное опасение теснило его грудь. «Что, если Габриэль настолько суетна, — думал он, — что станет играть чувствами пасынка неведомо для него самого? Какое печальное и трагическое усложнение готовится тогда в будущем!»

Танкред, напротив, утопал в блаженстве. Он был уверен, что приезд матери положит конец насильственным занятиям и всяким наказаниям. Памятуя ее слепое ему поклонение, мальчик не сомневался, что она отстранит от него все, что ему неприятно.

Канун дня, назначенного для приезда графини, прошел в лихорадочной деятельности. В ее комнатах производились окончательные

приготовления. Экзотические растения преобразили ее террасу в душистую рощу, и граф с помощью Арно украсил туалетный стол и будуар множеством дорогих безделушек.

Было начало июня; погода стояла прекрасная, душно-жаркая. Но к вечеру небо заволокло тучами и разразилась сильная гроза.

— Как это некстати, — отметил граф, глядя, как деревья гнутся от ветра и ливень наводняет аллеи. — Этот непрошенный дождь повредил цветы, Габриэль увидит их совсем поникшими. Надеюсь, это не дурное предзнаменование, — прибавил он, и лицо его мгновенно омрачилось.

Уложив спать Танкреда, Веренфельс ушел к себе в комнату и сел у окна. Небо было беззвездно и черно, дождь не переставал лить, и гром все еще гремел в отдалении. Какое-то беспокойство, какая-то неопределенная тоска охватили его душу. Ему казалось, что настал конец его спокойной жизни и скромным надеждам, которые подал ему Рекенштейн; что с завтрашнего дня начнется нечто новое и тяжелое — томительная борьба между слабой, капризной матерью и его строгостью воспитателя, которую он считал своим долгом.

Печальный и расстроенный, он лег в постель, но страшный сон преследовал его всю ночь. Ему казалось, что какая-то посторонняя сила против его воли с ошеломляющей быстротой влекла его к сероватому облаку, но по мере его приближения это облако обращалось в готический замок с почерневшими стенами, окруженный зубчатыми башнями и башенками с резными балконами. Окна — одни с остроконечными сводами, другие с широкими рамами — перемещивались на стене фасада. Главный подъезд, мрачного вида и украшенный гербом, вел вовнутрь крепости. К своему удивлению, Готфрид узнал в этом призрачном здании замок Арнобург.

Вдруг черная туча вырвалась, кружась, из башни и охватила Готфрида удушливым дымом. Сияясь вырваться из него, он увидел женщину, которая, протянув руки, загоразивала ему путь. Она носилась перед ним в длинной белой одежде, и черные распущенные волосы, как покрывало, окружали ее. У женщины было лицо Танкреда, и ее глаза, синие, как васильки, но сверкающие и резкие, как клинок стали, казалось, пронизывали его.

Готфрид хотел отступить, но соблазнительное и страшное существо настигло его, прильнуло к нему и, змеей обвивая его шею, стало

сжимать ее подобно железным тискам. Напрасно он вырывался со стесненным сердцем, трепеща от любви и ненависти. Призрак увлекал его и топтал кого-то ногами, причем раздавались мучительные стоны. Веренфельс в ужасе повернул голову и заметил распростертых на земле графа и Жизель, лишенных чувств, с печатью смерти на лице. Несколько далее Арно, с взволнованным видом и раной в груди, исчезал в пространстве. Обезумев, выйдя из себя, Готфрид отчаянным усилием вырвался из этих объятий, гибких, но цепких, как объятия гада.

«Оставь меня, я не хочу тебя!» — кричал он в сильном раздражении. На минуту видение опустилось перед ним на колени как бы с мольбой; но, когда он оттолкнул обольстительницу, она встала с угрожающим видом, сверкнув глазами и прошипев что-то сквозь зубы, подняла руку и ударила его в лицо с такой силой, что он потерял равновесие и скатился в пропасть. Разбитый и истерзанный, он встал, наконец, и увидел, что находится в комнатке с железной решеткой; запертая дверь не поддавалась его усилиям. Он был в тюрьме, и едва осознал это, как раздался насмешливый хохот и сильный удар потряс стены. Дрожа, покрытый холодным потом, Готфрид приподнялся на постели и прошептал: «Слава Богу, что это сон». Он объяснил свой кошмар влиянием грозы. Действительно, погода бушевала с новой, необычайной силой, молнии освещали комнату мрачным светом, раскаты грома повторялись непрерывно, сотрясая стены, и дождь, смешанный с градом, ударял в стекла. «Вот что действительно похоже на зловещее предзнаменование», — сказал себе молодой человек. К утру погода прояснилась, и радостные лучи солнца беззаботно осветили пространство.

Когда все собрались к завтраку, граф был бледен и жаловался на нервозность и головную боль. Гроза мешала ему спать, а когда он задремал на минуту, молния ударила в старый дуб под его окном. Он проснулся со страшной мигренью.

— У меня к вам просьба, Веренфельс, — сказал он, когда встали из-за стола. — Уже многие являлись с рапортом о повреждениях, причиненных ураганом в лесах и на паровой мельнице. Мне трудно поехать осмотреть все это сегодня; съездите вместо меня и сделайте необходимые на первый случай распоряжения.

Молодой человек согласился с тайной радостью: счастливый, что не увидит прибытия Габриэль, он решил употребить на осмотр весь день, ужинать у судьи и возвратиться лишь ночью. Его присутствие на семейном торжестве было вовсе не обязательно.

Когда он ушел, граф обратился к сыну:

— Арно, ты поедешь с Танкредом встретить Габриэль. Я не могу с моей мигренью провести три часа в карете. К тому же надо велеть исправить бьющие в глаза последствия грозы, которые могут произвести неприятное впечатление на нашу вновьприбывшую.

После отъезда двух братьев граф пошел в комнату Габриэль и сам наблюдал за сменой сломанных растений на террасе; велел срубить несколько деревьев, наполовину вырванных из земли, которые были видны с балкона. Затем, приказав вовремя доложить ему о приезде графини, пошел к себе в кабинет, чтобы переодеться.

Давно граф так внимательно не занимался своим туалетом. Окончив его, он отослал камердинера и остановился в задумчивости перед большим зеркалом в своей уборной. Пытливым взглядом, как будто видел перед собой постороннего, он всматривался в свое отображение. Мог ли он еще понравиться обольстительной, капризной женщине, которая говорила, что наружность Арно пробудила в ее сердце любовь к мужу? Если это чувство и было искренно, примирится ли она с переменой, происшедшей в нем за время разлуки?

Братьям недолго пришлось ждать на станции. Нетерпение Танкреда было так сильно, что он не мог оставаться спокойным, и едва поезд остановился, как он бросился к одному из вагонов с криком: «Мама, мама, наконец ты приехала!» Он раньше Арно увидел мать.

Когда Арно подошел к своему маленькому брату, дверь купе отворилась и из него выпрыгнула молодая женщина, щегольски одетая. Страстным движением она привлекла Танкреда в свои объятия и покрыла его поцелуями; затем протянула руку Арно и сказала с чувством:

— Как я рада видеть вас обоих, но... Вилибальд не приехал? — спросила она, беспокойно оглядываясь.

— У отца была сегодня утром сильная мигрень; затем гроза, разразившаяся нынешней ночью, причинила много вреда, и отец хотел сам присмотреть за тем, чтобы все было исправлено к вашему приезду, — отвечал Арно, целуя ее руку.

— Это не серьезное нездоровье? — спросила Габриэль, опираясь на руку пасынка и направляясь к экипажу.

— Нет-нет, отец счастлив вашим возвращением, дорогая Габриэль, и ваша любовь укрепит окончательно его здоровье. Мы все будем счастливы, а во мне вы найдете самого любящего и самого покорного сына, — заключил он.

Габриэль поблагодарила его лишь взглядом.

Как только немного отъехали, графиня сняла шляпу Танкреда, провела рукой по его блестящим кудрям и сказала, целуя его:

— Дай поглядеть на тебя, мой кумир, мой рыцарь Танкред. Право, ты вырос и похорошел на диво. Но учишься ли ты чему-нибудь?

— Ах, если б ты знала все, что я хочу тебе рассказать, мама, и как я несчастлив, волосы встали бы дыбом у тебя на голове! — воскликнул мальчик.

— Несчастлив! — повторила, смеясь, Габриэль. — Ты, должно быть, не хочешь заниматься, маленький лентяй. Я помню, как ты три месяца учил басню «Ворона и лисица».

— Теперь дело серьезней басни, с приездом моего негодного учителя жить стало невыносимо.

— Перестань, Танкред! — перебил его Арно, который сам хотел разговаривать со своей мачехой. — Не успела мама приехать, как ты надоедаешь ей. После будешь иметь время высказать свои жалобы. И он стал рассказывать ей о своих планах на лето, о сельских праздниках, которыми намеревался развлекать ее, и об ожидаемом приезде двух его друзей, приглашенных им, чтобы увеличить общество.

Габриэль весело с ним разговаривала; но когда экипаж приблизился к главному подъезду, она замолчала и вперила взор в высокую фигуру графа, вышедшего на крыльцо. Едва карета остановилась и прежде, чем Арно или лакей успели помочь ей выйти, она выпрыгнула на подножку и, как птичка, вспорхнула на лестницу. Быстро схватила она приветливо протянутую ей руку мужа и прижала ее к губам, несмотря на присутствие всего служительского персонала.

— Прости меня, Вилибальд, прости не только на словах, но и сердцем, — прошептала она со слезами на глазах.

Граф вздрогнул и хотел отдернуть руку, но, взволнованный, побежденный умоляющим выражением прелестного личика, он

привлек Габриэль в свои объятия и поцеловал ее в лоб; затем подал ей руку и повел в комнаты. Как только они остались одни, молодая женщина, бросив в стороны перчатки и шляпу, привлекла мужа на диван и, припав головой к его плечу, разразилась рыданиями. Было ли то искреннее раскаяние или напряжение нервов — трудно сказать, но этот поток слез испугал графа; ласково и нежно он старался успокоить ее, уверяя, что прошлое сглажено и позабыто.

Мало-помалу графиня успокоилась, и когда муж ушел, уговорив ее отдохнуть до обеда, она отерла последние слезы и с любопытством стала осматривать все сделанные для нее приготовления и сюрпризы. Кончив осмотр, которым осталась вполне довольна, она свернулась клубком на диване и, полузакрыв глаза, с торжествующей улыбкой на устах предалась мечтам.

Габриэль не была грубой кокеткой, которая легко увлекается и не дорожит своей честью. От такого унижения ее ограждали гордость и эгоизм. Но, крайне пылкая и страстная, она порывисто и всецело отдавалась своим ощущениям — как любовь, так и ненависть, возбужденные в ее сердце, не умирали никогда. Обстоятельства еще более развили в ней некоторые врожденные недостатки. Выйдя замуж в неполные шестнадцать лет за человека на двадцать три года старше, который боготворил ее и предупреждал все ее капризы, окружал ее роскошью и почетом, она избаловалась, привыкла сорить деньгами, покорять сердца и не выносила никакого соперничества. Ее дивная красота сделалась ее кумиром; в поклонении самой себе она видела цель своей жизни. Поражать женщин своими туалетами, а мужчин своими чарами было единственной ее заботой. Каждый мужчина, который к ней приближался, должен был делаться ее рабом. Искусным кокетством она его привлекала, очаровывала; но едва победа была одержана, интерес пропал, и взгляд ненасытной сирены искал новой жертвы. Эта опасная игра была началом несогласий графа с женой. Напрасно он увещевал и запрещал, ревновал и наблюдал — страсть покорять мужчин, заставляя их трепетать от ее взгляда сделалась потребностью Габриэль. Новая неосторожность с молодым офицером вызвала дуэль и затем разрыв между супругами.

III. Цирцея

Готфрид действительно весь день производил осмотр, так что в дом судьи он, уставший, приехал лишь к семи часам вечера. Принятый, как всегда, с распростертыми объятиями и окруженный дружеским вниманием Жизель, молодой человек чувствовал себя так хорошо, что вечер пролетел с быстротой молнии. Был двенадцатый час, когда они расстались.

Медленным шагом, тихо напевая, Готфрид направился к замку. Ночь была великолепная: теплая, спокойная; полная луна заливала серебристым светом тенистые аллеи парка. Торжественная тишина природы действовала благотворно на душу молодого человека. Он думал о Жизель, теряясь в мечтах о будущем. Представлял себе эту милую, скромную девочку хозяйкой своего дома, ухаживающей за его матерью, за его маленькой Лилией и вполне счастливую с ним в скромной обстановке. Готфрид уже приближался к большому пруду и решил было отдохнуть на своем любимом месте у воды, на скамье под вековым дубом, как вдруг внимание его было привлечено глухим рычанием. Он остановился. Послышался треск ветвей под чьими-то шагами и снова чье-то рычание.

— Это, должно быть, Али-Баба; верно, этот негодный Танкред опять выпустил его, чтобы пугать служанок скотного двора, — прошептал с неудовольствием Готфрид.

Медвежонка Али-Бабу граф, уступая просьбам сына, купил в прошлом году. Он жил в конце парка, в шалаше, окруженном забором, и хотя не был опасен, но его все-таки держали на цепи. Два раза Танкред спускал его, забавляясь криками служанок да шумом, который поднимали птицы и дворовые звери.

Собираясь отвести медвежонка в его шалаш, молодой человек ускорил шаг и вышел на прогалину, окружающую пруд. Медведь опередил его и, освещенный луной, направлялся рысцой к скамье, скрытой в тени, где Готфрид намеревался отдохнуть.

В эту минуту раздался крик, и женщина в белом показалась между деревьев; обезумев от страха, она бросалась во все стороны, преследуемая медведем, которого забавляла эта импровизированная охота. Увидев, что незнакомка направляется, как стрела, к пруду, куда неизбежно должна была упасть, Веренфельс ринулся за ней, чтобы

удержать; но ноги ее, вероятно, запутались в платье, она вдруг пошатнулась и упала на траву в двух шагах от воды.

— Куш! Али-Баба! — крикнул Готфрид, подняв трость. Медвежонок, увидев его, направился к нему, радостно рыча, послушно лег и стал лизать свои лапы. Молодой человек наклонился к даме, которая, казалось, была в обмороке. «Это, должно быть, графиня», — говорил он себе, поднимая молодую женщину и всматриваясь с любопытством и восхищением в ее прелестное лицо. В ту же минуту она открыла глаза и с испугом взглянула на него.

— Графиня, позвольте мне довести вас до скамьи и позвать вашу камеристку, — сказал почтительно Готфрид.

Но в этот момент взгляд ее упал на медведя и, ухватясь за руку молодого человека, она вскрикнула в нервном волнении:

— Нет-нет, не уходите! Я боюсь! Ужели вы оставите меня одну с этим хищным зверем? С каких пор Вилибальд придумал такое нововведение, чтобы медведи гуляли у него по парку?

— Медвежонок не опасен, графиня; не бойтесь и позвольте предложить вам руку.

Графиня согласилась, однако при первом шаге пошатнулась, вскрикнула и чуть не упала, Готфрид поддержал ее.

— Я, кажется, вывихнула ногу и не могу идти, — проговорила она ослабевшим голосом. — Как быть теперь?

— В таком случае прикажите мне, графиня, отнести вас домой; тут несколько минут ходьбы.

Габриэль смерила его быстрым взглядом.

— Я согласна, если это не очень утомит вас. Но скажите, кому я обязана такой услугой?

— Я Готфрид Веренфельс, воспитатель маленького графа Танкреда, — отвечал молодой человек, поднимая ее, как ребенка, своими сильными руками.

Странные чувства волновали Готфрида, пока он быстро шагал к замку со своей легкой ношей. Нервная дрожь, вызванная испугом, все еще пробегала по телу графини; и эта дрожь как бы сообщалась сердцу молодого человека, пробуждая в нем попеременно то восхищение, то враждебную ненависть, которую он ощущал, прежде чем увидел ее; и беленькая ручка, блестящая бриллиантами, покоясь на его плече, казалась ему тяжелой, как свинец.

Он почувствовал душевное облегчение, когда положил, наконец, графиню на один из диванов в ее будуаре.

Эта прелестная комната, освещенная лампами с розовыми стеклами, казалась созданной для Габриэль. В этом магическом свете молодая женщина казалась Готфриду неотразимой красавицей. Он говорил себе, что никогда в жизни не видал таких идеальных черт, такого нежного цвета лица и таких блестящих ясных глаз с длинными изогнутыми ресницами.

Габриэль, со своей стороны, только теперь увидела ясно лицо своего случайного кавалера. С минуту ее глаза глядели на него со странным выражением, но, опомнившись, она протянула ему руку и выразила живейшую благодарность.

— Я сейчас сообщу о случившемся графу, — сказал Готфрид, почтительно целуя пальцы молодой женщины.

— Нет-нет. Вилибальд весь вечер страдал сильной мигренью; ему необходим отдых. Не беспокойте его.

— Графу Арно в таком случае.

— И ему не надо. При своей пылкости он всполошит весь замок. Я не хочу, чтобы раньше утра посылали за доктором, так как не думаю, чтобы тут было что-нибудь опасное, и могу потерпеть.

Молодой человек, оставив графиню, пошел к кастеляну и велел ему послать нарочного в город, чтобы утром доктор мог приехать в замок; приказал также распорядиться, чтобы Али-Баба был снова посажен в свой шалаш. Сделав это, он вернулся к себе, собираясь лечь спать, но образ Габриэль не покидал его. «Она действительно красива так, что любой может сойти с ума, — говорил себе Готфрид. — Бедный Арно, я понимаю, какая опасность угрожает твоему сердцу».

Наутро, пока Танкреда одевали, Веренфельс пошел к Арно и сообщил ему о случившемся ночью. Молодой граф был очень встревожен и поспешил кончить свой туалет, чтобы скорей пойти к мачехе.

— Я готов держать пари, что это опять Танкред выпустил Али-Бабу. Гадкий мальчик! Какое бы от этого могло выйти несчастье! — воскликнул в сердцах Арно. Затем, глядя в сторону, он спросил нерешительно:

— Вы видели Габриэль. Не правда ли, она очаровательно красива?

— Красива, как сказочная фея, но едва ли подобно ей

благодетельна, — медленно отвечал Готфрид. — Если бы я смел

сделать сравнение, я бы скорее уподобил графиню сирене, прелестной и обворожительной, но запретной для каждого, кто, не обладая мудростью Улисса, приблизится к чернокудрой обольстительнице. Молодой граф сильно покраснел.

— Я понимаю тонкость и глубину вашего замечания, Готфрид. Оно сделало бы честь мудрому Улиссу, на которого вы ссылаетесь. Но теперь пойдете скорей. Быть может, она чувствует себя хуже. В вестибюле молодые люди встретили доктора, возвращавшегося от графини. Он успокоил Арно, сказав, что в ушибе нет ничего серьезного, что опухоль на ноге исчезнет через несколько дней, а вообще молодая женщина совершенно здорова. Графиня велела отнести себя на террасу, чтобы пить утренний кофе с семьей.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ